

ПРИВАТНАЯ СФЕРА ДОМА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Т. В. Волкова

Наличие жилища как важной подсистемы повседневного пространства выступает одним из основных условий биологического и культурного существования человека. По словам А. Шюца, «Дом есть исходная точка, а также конечная цель. Это нулевая точка системы координат, которую мы приписываем миру, чтобы сориентироваться в нём»¹. В пределах дома протекает преобладающая часть повседневной жизни, осуществляются все виды повседневных практик, представляющих собой периодически повторяющиеся процессы, происходящие изо дня в день и имеющие необходимый императив их осуществления.

Сосредоточивая на себе свойства «иммунной системы», дом обеспечивает защиту от «внешнего». По словам П. Слотердайка, «в архитектуре нет ничего, что прежде отсутствовало бы в иммунных идеях»². Как часть пространства повседневности, дом выполняет необходимые адаптивные функции. Он сам является важной культурной адаптивной системой, обуславливающей полноценное становление, развитие и сохранение как отдельной человеческой личности, так и культуры в целом.

На сферу дома распространяются законы территориального поведения, поскольку это — структурированное пространство, совпадающее с частью проксимической зоны. Пределы дома предполагают наличие не только ограниченной территории, но и комплекса различных, принадлежащих владельцу объектов, объединённых в систему. Различные вторжения за границу жилья и их попытки, а также претензии на пользование находящимися на данной территории предметами, исходящие от посторонних, расцениваются как противоречащие не только правовым и моральным нормам, но и естественному порядку вещей, поведение стороннего человека в границах чужого домашнего пространства строго ограничено и ритуализировано.

Дом полагает мощную границу между индивидом, природной и культурной средой, позволяя человеку осознать свою инаковость. По мнению А. К. Байбурина, граница жилья делит мир на два текста с различной семантикой. В зависимости от того, куда помещает себя человек (вовнутрь или вовне), он по-разному оценивает мир³. Образ жизни дома организуется вокруг шаблона, упорядоченного образца, который используется в повседневной жизни. Находясь там, большую часть проблем можно решить, применяя привычную схему: «Нет нужды определять и переопределять ситуации, которые имели место много раз, или искать новые решения для старых проблем, с которыми до сих пор справлялись удовлетворительно»⁴. По данным социологических опросов, в домашнем пространстве люди чувствуют себя комфортно, защищённо, спокойно («дома я нахожу покой»; «в нём я чувствую себя комфортно»; «в своей квартире никто не обидит»; «есть возможность отдохнуть от других людей»; «дома я отдыхаю от работы, от города»)⁵. Символическая связь человека и жилища, особая атмосфера родного дома раскрывается и через употреб-

---

ление частых выражений, примером которых могут быть следующие: «В гостях хорошо, а дома лучше», «Дома и стены помогают» и др. Внутреннее пространство дома воспринимается как «своё», «одомашненное»⁶, обеспечивает чувство физической и психологической безопасности, возможность обособиться и скрыться от чужих глаз, способствует адаптации и уменьшает стрессогенные воздействия.

Говоря о функциях, выполняемых сферой жилища, следует отметить, что дом выступает как полифункциональное образование, хотя соотношение выполняемых им функций в разные исторические эпохи различно. Среди основных функций выделяются следующие: в доме протекает реализация природной необходимости в защищённости, обретается чувство физической и психологической безопасности, приближённое к тому, что наличествовало на стадии пренатального развития; обеспечиваются процессы первичной социализации и инкультурации; удовлетворяются основные, преимущественно приватные, потребности (витальные и духовные), в том числе предоставляются необходимые человеку моменты одиночества для рекреации и рефлексии.

В концепциях ряда авторов жилище справедливо рассматривается как продолжение человеческого тела, его внешнее «расширение». Согласно о. П. А. Флоренскому, вполне предвосхитившему идеи М. Маклюэна, созданные человеком артефакты, в том числе предметы бытового окружения, являются прямым продолжением человеческого тела, проекцией его органов. Искусственные продолжения тела расширяют область деятельности и чувства. По о. П. А. Флоренскому, жилище являет собой синтетическое орудие, которое объединяет в себе многие другие, имеет своим первообразом всё тело в целом: «Дом подобен телу, а разные части домашнего оборудования аналогически приравниваются органам тела. Водопровод соответствует кровеносной системе, электрические провода, звонки телефонов и т.д. — нервной системе, печь — лёгким, дымовая труба — горлу»⁷. М. Маклюэн рассматривает жилище как одно из средств массовой коммуникации человечества. К средствам массовой коммуникации он относит самые разнообразные предметы, явления и технологии, применение которых определяет значимые изменения в коммуникации человека с природной и культурной средой. Эти средства являются внешними «расширениями» человека, техническими продолжениями его тела, чувств и способностей. В современном жилище окно, очки, линзы, телевизор продолжают зрение; слуховой аппарат, радио, магнитофон, плеер, телефон — слух; книги, энциклопедии, компьютерные поисковые системы — мозг. Как и все тело (дом), так и его отдельные органы (предметы быта) имеют, хотя бы в какой-то мере, подконтрольный, зависящий от человека характер. Например, от человека зависит степень активности бытовых приборов, громкость радио, выбор канала телевидения и пр. Сохранение целостности границ приватной сферы дома в этом случае во многом зависит от степени контроля со стороны самого субъекта повседневности. Жилище как внешнее расширение человеческой кожи можно рассматривать как механизм управления теплом. В этом отношении функции одежды и жилища предельно сближаются. Однако если одежда является расширением частных кожных покровов, то жильё представляет собой «коллективную кожу», так как чаще выполняет те же

функции сохранения и перераспределения тепла и энергии не для отдельного индивида, а для целой группы.

Отсюда видно, что механизмы регулирования электричества и отопления, делающие возможным сохранение тепла и энергии, обеспечивающие их доступность, находятся под контролем самого индивида. Негативный аспект этой ситуации возникает в условиях культурно закреплённой узурпации контроля со стороны служб, организующих поставку ресурсов. Длительное отсутствие указанных ресурсов, обозначаемых в обыденной речи «удобствами», чревато сильнейшими стрессовыми состояниями. Улучшение жилищных условий, делающих доступными отопление, горячую воду и др., является одной из важных мотиваций переезда на новое место, несмотря на перспективы болезненной адаптации.

Социокультурное пространство дома является важным механизмом трансляции культурного наследия, обеспечивая связь поколений. Моделирование домашней сферы оказывается возможным, благодаря культурно-семиотической деятельности личности, именно поэтому дом человека не сравним с «жилищами» животных. Сам дом, а также предметы, наполняющие его пространство, являются артефактами культуры. Помимо чисто утилитарных, практических функций, они наделяются определённой семантикой, особым ценностным смыслом. Именно поэтому для некоторых людей представляется трудным процесс расставания со старыми, привычными вещами, уже не могущими употребляться по прямому назначению, но напоминающими о молодости, значимых жизненных событиях и т.п. Внешний и внутренний облик дома фиксирует материальные достижения культуры, ценностные, эстетические параметры, характерные для той или иной эпохи.

Оформление жилищной сферы находится в полной зависимости от намерений, частных решений и потребностей человека. Её вертикальные и горизонтальные границы и внутренняя организация в гораздо большей степени оказываются соотносёнными с индивидуальными возможностями, нежели пространство внешнего мира. Жилище как семиотически организованное пространство есть «вторичная моделирующая знаковая система» (сложноорганизованная семиотическая система, возникающая на основе естественных языков культуры, «с помощью которых строятся модели мира или его фрагменты»⁸). Но если названные системы в их классическом понимании являются порождением определённой культуры и социальной реальности, то создателем жилища является отдельно взятый индивид. По словам В. В. Фёдорова, человек не просто окружён различными объектами, но сам их «конструирует», придавая внешнему окружению значение на основе осуществляемой им деятельности⁹. Дом одного человека не похож на дом другого. Обстановка жилища, организация его пространства — текст, комплекс знаков, несущих закодированную информацию о своём обитателе, его привычках и предпочтениях, социальном статусе и доходах, семейном положении, характере занятий, состоянии здоровья, религиозных воззрениях, культурной и национальной самоидентификации. В границах приватной сферы дома существуют и полиинтерпретативные предметы (безделушки, «странные вещи»), семантика и прагматическая уместность которых доступна только владельцу. При попытке смыслового

декодирования в отношении таких вещей у посторонних обыкновенно возникает затруднение («что это?» и «почему здесь?»), более того, этот смысл может скрываться намеренно.

Сфера дома как внешнее продолжение человеческого тела контролируется в той мере, в какой является контролируемым собственное «нерасширенное» тело человека. При этом граница жилища может дополнительно расширяться, охватывая часть внешнего физического пространства: зона вокруг дома, места захоронения родных и близких и др. Поскольку на пространство некрополя переносятся ряд черт, характерных для структуры города, могилы родственников по аналогии с неприкосновенной сферой дома воспринимаются живыми как собственность. В этом случае имеет место отграничение «своего» пространства захоронения от «чужого», а иногда и ограничение доступа к могиле¹⁰. Семиотическая организация захоронения, как и оформление собственного жилья, также является делом личных вкусов и предпочтений, подчас экстравагантных и даже семантически неясных¹¹.

Внутренняя зона жилища обеспечивает условия для повседневной жизни человека, удовлетворения потребностей, различные классы которых соотнесены с разными функциональными зонами (кухня, спальня, гостиная, ванная и т.п.). Выделение функциональных зон внутри жилища, особенности их отграничения изменялись в разные эпохи.

Выделяются физические и семиотические способы создания и укрепления внутренних и внешних границ жилья. Стены, двери, замки обеспечивают конструирование физической границы, выполняющей функцию изоляции и защиты от физических вторжений. Создание семиотической границы осуществляется знаковыми средствами организации предметно-пространственной среды (штора, фанерная перегородка), посредством знаков кинестетического поведения, вербальных сигналов и др. К изоляционным семиотическим средствам следует также отнести всё, что блокирует информационные потоки, поэтому части физической границы могут одновременно выступать и в роли семиотической. Агрессия и тотализация социума порождает необходимость укрепления границы, однако репрессивный механизм культуры¹² делает её социально прозрачной и контролируемой. Примером разрушения границы со стороны социума может быть феномен коммунальной квартиры.

Пространство дома немислимо без его «наполненности» предметами повседневного быта: «Почти все наши обиходные вещи сосредоточены в пространстве частного жилища»¹³. Ж. Бодрийяр указывает на системный характер бытового окружения, в котором уживается множество вещей, выполняющих различные функции, и лишь человек, исходя из своих потребностей, обеспечивает их сосуществование в контексте единой системы. Вещи и люди оказываются тесно связанными, поскольку «семейный дом — специфическое пространство, мало зависящее от объективной расстановки вещей, ибо в нём главная функция мебели и прочих вещей — воплощать в себе отношения между людьми, заселять пространство, где они живут. Реальная перспектива, в которой они живут, порабощена моральной перспективой, которую они призваны обозначать»¹⁴. В отличие от физического пространства, эти вещи семантизированы и несут на себе следы сознательного творчества.

Следует выделить и иные аспекты взаимосвязи человека и предметов домашнего быта. Всё пространство бытовой культуры дробится на множество артефактов, являющихся творениями самого человека. Спектр предметов быта и особенностей пространственно-семиотического оформления дома различается при переходе от одной культуры к другой. Человек, оказавшись в бытовом окружении иной культурной среды, не обладает адекватными навыками обращения с его отдельными элементами и самого их понимания. Так, русская печь или гармонь отсутствует в американской культуре, китайские палочки не являются традиционным артефактом испанской. Кроме того, бытовое окружение существенно различается и в разные хронологические срезы одной культуры: в современном жилище трудно увидеть бюро, подсвечники, напольные часы или патефон, однако их появление сразу становится информативно значимым, что отображается законом Ципфа, в упрощённом варианте звучащим как «чем реже встречается предмет, тем выше его информативность». Такие находки увеличивают объём информации о хозяине жилища и могут выдавать его культурную позицию.

Другой аспект взаимосвязи человека и домашних артефактов состоит в исключительном разнообразии физических признаков вещей, наполняющих жилище (размеры, форма и т.д.), их конфигурационном расположении, соотносённости с территориальным дроблением дома. Перечисленные признаки влияют на протекание жизненного процесса и выполнение повседневных практик, определяют физические и семиотические (потребность видеть пейзаж или соседнее помещение) траектории движения человека в пределах жилищной зоны и стандартные точки остановки и покоя. Для размещения жизненно необходимого набора бытовых предметов нужен некий оптимум физического пространства, что обеспечит полноценное и комфортное существование.

Для выявления особенностей охранительных функций границы жилья значительный интерес представляет рассмотрение повседневности как процесса, включающего субпроцессы «оповседневнивания» и «расповседневнивания», выделяемые Б. Вальденфельсом¹⁵. Названные процессы, взятые в их узком понимании, неминуемо (если не преимущественно) протекают в сфере дома. Под процессами «оповседневнивания» понимаются обживание, научение, овладение механизмами культурно-деятельностных навыков. В доме протекают социализация и инкультурация, поскольку структуры организации жилищной сферы закрепляют социокультурные механизмы поведения, повседневные практики, особенности общественно-семейных отношений, эстетические эталоны и пр. Дом моделирует и оповседневнивает природные биоценозы (комнатные растения, животные, аквариумные и террариумные культуры). Не случайно за истекшие двадцать лет увеличилось число профессиональных террариумистов и аквариумистов, а ещё больше любителей. Резко расширилось родо-видовое разнообразие рыб, амфибий и рептилий, культивируемых дома. Среди ветеринаров стала популярной специализация по лечению «экзотов». В результате информационно-технологического прогресса в ткань домашней повседневности прочно входят средства массовой коммуникации (телефон, телевизор, Интернет). Однако их избыточное и нерациональное исполь-

зование может быть примером уже другого процесса — «расповседневнивания» в его самом негативном варианте.

«Расповседневнивание» жилища связано с преодолением повседневности, разрывом привычных стереотипов. Такой эффект достигается через семейные традиции, связанные с празднованием значимых дат в кругу семьи. Другим проявлением этого процесса могут служить творческие и инновационные практики (ремонт, перепланировка, создание нового дизайна, перестановка мебели или обновление предметов быта), могущие повлечь как новый всплеск активности и творчества, так и шок (стресс смены жилища, «депрессия смены квартиры», периодические «микрoэпидемии» стрессовых инфарктов при расселении старых домов, особенно в Москве и Санкт-Петербурге). Процесс «расповседневнивания» помогает разорвать рутину повседневности, вырваться за её пределы, однако изменение привычной обстановки и ремонт нередко приводят к тому, что человек не может вжиться в новое, неповседневное пространство: оказавшись в дискомфортной и стрессовой ситуации, он стремится отказаться от сделанных преобразований, умножая материальные и психологические затраты. Пожилые люди подчас запрещают ремонтировать свою комнату или замыкаются в ней, редко выходя в изменившуюся квартиру. Излишнее «расповседневнивание» дома чревато негативными последствиями как на физиологическом, так и на общекультурном уровнях. Залогом благоприятного сценария сохранения и развития как отдельной личности, так и культуры должен быть разумный баланс между названными процессами. «Расповседневнивание» имеет положительный культурный аспект, однако это не должно повлечь утрату важных характеристик дома, свойственных системе повседневности (устойчивость, стабильность, безопасность, предсказуемость).

¹ Шюц А. Смысловая структура повседневного мира / сост. А. Я. Алхасов. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2003. С. 209.

² Цит. по: Среда: очерки по теории солидарности / под ред. А. И. Макарова, Ю. Ю. Ветютнева. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. С. 33.

³ См.: Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 164; *Он же*. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. СПб.: Наука, 1993. С. 73.

⁴ Шюц А. Указ. соч. С. 210.

⁵ Петрова А. С. За что мы любим свой дом? // Фонд «Общественное мнение». Всероссийский опрос городского и сельского населения. URL: file://localhost/C:/Users/User/Desktop/ФОМ%20_%20Смена%20места%20жительства.mht (дата обращения: 15.01.2012).

⁶ Куклев В. В., Гайдук Д. А. Дом // Энциклопедия символов, знаков, эмблем / сост. В. Андреев, В. Куклев, А. Ровнер. М.: Локид, 2000. С. 159.

⁷ Флоренский П. А. Органопроекция // Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С. Г. Семёнова, А. Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 159–160.

⁸ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2001. С. 520.

⁹ Фёдоров В. В. Проблема восприятия и символического значения пространства. Тверь: ТОТ, 1997. С. 18.

¹⁰ Лебедев В. Ю. Религиозный ритуал западного христианства: культура, традиция, семиотика (XVI–XX вв.). Тверь: Изд-во ГЕРС, 2008. С. 254.

¹¹ *Лебедев В. Ю.* Экспозиционные знаковые системы как универсальный морфологический элемент культуры (к постановке проблемы) // *Мировоззренческие универсалии как фундаментальное основание образования*. Клин: РГСУ, 2010. С. 77–87.

¹² *Флиер А. Я.* Культура как репрессия // *Фундаментальные проблемы культурологии*: в 4 т. / отв. ред. Д. Л. Спивак. СПб.: Алетейя, 2008. Т. 1. С. 242.

¹³ *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1999. С. 74.

¹⁴ Там же. С. 11–12.

¹⁵ *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности // *Социо-Логос: социология, антропология, метафизика* / под ред. В. В. Винокурова, А. А. Филиппова. М.: Прогресс, 1991. Вып. 1: Общество и сферы смысла. С. 40.